

САВЕЛЬЕВА Р. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

САВЕЛЬЕВА Ольга Николаевна, родилась в 1880-х. Сестра Риммы Савельевой. Получила среднее образование, служила репетитором и домашней учительницей, с 1915 — служила во Временной Ревизионной Комиссии, отделении Государственного Контроля, после революции — в Рабоче-Крестьянской инспекции, с начала 1920-х — работала в Областной статистике, с 1929 — на пенсии. В сентябре 1932 — арестована с сестрой по групповому делу, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Карлаг, где скончалась (Ташкентское лагерное отделение).

САВЕЛЬЕВА Римма Николаевна, родилась в 1881. Сестра Ольги Савельевой. Получила среднее образование, служила репетитором и домашней учительницей, с 1915 — служила во Временной Ревизионной Комиссии, отделении Государственного Контроля, после революции — в Рабоче-Крестьянской инспекции, с начала 1920-х — работала в Инспекции водного транспорта Мариинского областного управления. 1 декабря 1921 — уволена по сокращению штатов, ухаживала за больной матерью, с 1925 — перебивалась случайными заработками. С 1931 — работала в Академии наук, затем — в бухгалтерии Института прикладной химии. В сентябре 1932 — арестована с сестрой по групповому делу, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Карлаг (Ташкентское лагерное отделение). 24 мая 1935 — после досрочного освобождения из лагеря с ограничением проживания поселилась в Малой Вишере.

В сентябре 1936 — Римма Николаевна Савельева обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<6 сентября 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Петровна¹!

Простите, что беспокою Вас своей просьбой. Из прилагаемого заявления в НКВД, Вы видите, что я отбыла срок наказания, но до сих пор не могу понять, в чем заключалась вина моя и моей сестры, умершей в концлагере.

Судя по допросу ее и моему и по разговорам, когда я вернулась, нас якобы обвиняли в монашестве, в сектантстве, в участии в двадцатке.

Если бы это была правда, мы никогда не отказались бы, но так как с детства мы были православными и, не отрицаю, очень религиозными, но никогда не были монахинями, ни тайными, ни действительными, ни в какой секте не состояли, в двадцатке не участвовали, то я и утверждаю, что это ложь. Мы всегда вели светскую жизнь как при родителях, так и без них. Никогда политической деятельностью не занимались и ни в каких контрреволюционных организациях не принимали участия. Отец наш был простой армейский офицер. Мать с детства приучила нас к труду, и мы с сестрой в учебных заведениях научились шитью и рукоделиям и в течение всей жизни с 15-ти летнего возраста шили сами себе и платья, и шляпы, и белье, последнее даже родителям и братьям. Благодаря этому нашим родителям не приходилось платить ни портнихам, ни белошвеям и, на создавшуюся от этого экономию при небольшом получавшемся нашим отцом содержании мы могли достаточно хорошо одеваться, иметь приличную обстановку, простой здоровый стол.

А так как в нашей семье никто не пьянствовал, не картежничал и не развратничал, то родители наши имели возможность приобретать, помимо

¹ Ошибка в отчестве Екатерины Павловны Пешковой.

всего необходимого, кое-какие ценные вещи для домашнего обихода на получавшуюся трудовую экономию всех членов семьи. Образование мы все получили не ниже среднего. По окончании курса учебных заведений, имея дипломы на домашних учительниц, мы занимались с детьми, готовя их в учебные заведения или репетируя с ними в течение учебного года.

С 1915 года мы поступили на службу; о дальнейшем видно из заявления. Работали мы всегда честно и добросовестно, не жалея сил и здоровья. Особенно усиленно пришлось мне работать последние два месяца перед арестом, когда я исполняла свою работу в бухгалтерии Института Прикладной Химии и работала, одновременно, за заболевшего счетовода, в кладовой того же учреждения и, вместо ожидаемого отпуска и поощрения за свое добросовестное отношение к работе, была снята с работы и получила тюремное заключение. Ни симулянтками, ни саботажницами, ни вредительницами мы никогда не были.

С детства мы не обладали хорошим здоровьем и в настоящее время, имея 55 лет от роду, я чувствую себя полным инвалидом.

Теперь прошу Вас помочь мне найти правду и, если возможно, ходатайствовать, о разрешении мне вернуться на жительство в Ленинград, где живя с братом и его семьей, я могла бы скорее оправиться и, быть может, снова начать посильную трудовую жизнь.

Р. Савельева.

г<ород> Малая Вишера,
улица Урицкого, дом № 34
6/IX – 1936 г<ода>»².

К письму в Помполит Риммы Николаевны Савельевой было приложено заявление в НКВД.

«В Народный Комиссариат Внутренних дел

Савельевой Риммы Николаевны,
проживающей в г<ороде> Малая
Вишера, ул<ица> Урицкого, дом № 34

Заявление

Я и моя сестра были присуждены к заключению в концлагерь на 3 года по ст<атье> 58-10 или 11, точно не помню. Отбыв наказание в 2 года и 8 месяцев и будучи освобождена досрочно 24 мая 1935 года из Ташкентского лагеря, где умерла моя сестра, и не имея разрешения на жительство в Ленинграде, я поселилась в г<ороде> Малая Вишера.

Получив при освобождении из лагеря от начальника учета известие частного характера, что в Ленинград меня не пустят, я была направлена в г<ород> Лугу, куда явившись узнала, что г<ород> Луга был объявлен погранзоной и что там жить нельзя.

Так как я и вся моя семья была чужда всякой политической деятельности, мы знали, что политического обвинения нам предъявлено быть не может.

По ходу допроса моего и моей сестры (у обеих был только один допрос) мы поняли, что нас обвиняют в каком-то якобы религиозном преступлении, так как следователь задавал как мне, так и покойной сестре вопросы исключительно религиозного характера как-то: 1) кто мой духовник и был ли у меня вообще таковой, 2) в какой церкви я бываю, 3) имела ли переписку с духовенством, 4) сочувствую ли обновленческой церкви, 5) на какие кладбища ходила и т<ак> д<алее>. Я откровенно

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1550. С. 48-49. Автограф.

сообщила, что в церкви бывала, что духовника имела, но не одного, постоянного, но все же держусь направления старой церкви, и ходила на Смоленское кладбище, где похоронена наша мать и многие из родственников, переписки с духовенством никогда не имела и посылок ему не посылала. Этими и некоторыми другими вопросами общего характера был исчерпан весь мой допрос.

Сестре же был задан вопрос: 1) кто ее посвящал, на что она сказала, что ее никто не посвящал, так как она не монахиня; 2) как она могла с советской службой совместить такую религиозность? Только честным отношением к работе и сознанием своего долга перед страной и властью.

При этом присовокупляю, что, будучи религиозными, родители наши воспитали нас в православной религии, но никогда никто из нас не принадлежал ни к какой секте, никто не состоял в монашестве ни в явном, ни в тайном и с духовенством общения никакого не имел, кроме исполнения треб, и в двадцатках не числились.

С детства я с умершей сестрой вели трудовую жизнь и никаким наемным трудом не пользовались, так как будучи приучены матерью, сами для себя все делали и в течении своей жизни не отдали кому-нибудь в работу ни одной носильной вещи. Ни торговлей, ни спекуляцией никогда не занимались. С 14-го января 1915 года я и сестра работали во Временной Ревизионной Комиссии, отделении Государственного Контроля, а потом, после революции, в Рабоче-Крестьянской Инспекции до ликвидации комиссии, когда были переведены: сестра в Областную статистику, где проработала до 1929 года, когда, по болезни, прослужив 14-ть лет, была выведена на трудовую инвалидность и пенсию; я же перешла в Инспекцию водного транспорта Мариинского Областного Управления, откуда была уволена по сокращению штатов с 1-го декабря 1921 года. В то же время в ноябре того же года мать нашу разбил нервный паралич (правосторонний) а, так как в то время в больницах не принимали хронических больных, и взять домработницу не было средств, то я принуждена была остаться ухаживать за больной матерью, не могшей обойтись без посторонней помощи, вследствие чего я лишена была возможности отмечаться на бирже труда и в союзе из которого таким образом выбыла механически.

Через 4-е года, в 1925 году, когда наша мать умерла, я пыталась поступить на работу по специальности, но меня не регистрировали на бирже потому, что я выбыла из союза, а в союз не принимали без регистрации биржевой. В продолжение всех этих лет мы жили на вознаграждение, получаемое сестрой, и я имела небольшие случайные заработки по репетированию с детьми, народной переписи и рукоделию.

В 1931-м году, когда было разрешено поступать на работу и не состоящим на бирже и в союзе, я сейчас же начала работать и работала сначала в Академии Наук, а потом в Институте Прикладной химии добросовестно и честно до дня ареста.

В Свирстрое, как должно быть известно по моему делу, я работала табельщицей, в Затоне — деловодом снабжения, а потом, по моей личной просьбе, была откомандирована в Ташкентский лагерь, куда вследствие болезни была отправлена моя сестра, и где я работала в Больничном Городке счетоводом по вещ~~евому~~ столу, но вскоре по болезни была снята и, когда окрепла, была направлена в совхоз Зенги-Ата, где работала регистратором амбулатории, сначала мужской и, после повторившегося заболевания правой руки, в женской амбулатории в той же должности. В последнее время пребывания в лагере я была освобождена от всяких работ, даже канцелярских по вторичной актации, но, сильно тоскуя по умершей сестре, чтобы немного забыться, продолжала работать до дня освобождения. Вообще от работы никогда не отказывалась.

Относительно ценностей, конфискованных у нас, замечу, что они составляли мое и сестры приданное. Золотые вещи все до одной были подарки родителей и близких родных, приобретенные на трудовые деньги. Серебряные — тоже подарки родителей или родных нам или нашим родителям в день 25-тилетия их совместной жизни, за исключением:

1) Одного прибора из 6 стол<овых> ложек, 6 чайных ложек, разливательной ложки, ситечка для чая, солонки и чарки, подаренного друзьями сослуживцами на память отцу (в приданное дочерям), когда он уходил из одного полка в другой.

2) Креста нагрудного с цепочкой и нескольких медалей, о существовании которых мы не подозревали до нашего уплотнения в одну комнату, и, обнаружив их в вещах, оставшихся после матери (незадолго до ареста), хотели сдать.

Все вещи береглись нами на случай старости и болезненного состояния здоровья, чтобы иметь возможность существовать, сдавая их понемногу в Гос<ударственные> магазины. Подробную опись их прилагаю с копии с указанием, кем они подарены, в доказательство того, что вещи приобретены на трудовые деньги моих родителей, наши детские и наших родственников. Кроме указанных ценностей у меня тогда же взяты, не указанные в описи: 1) нитка горного хрусталя очень хорошей шлифовки длиной в ½ метра с застежкой, 2) нитка гранат — имитация с золотой застежкой, длиной 1 метр и 3) нитка черного шлифованного антрацита длиной 2 метра, заменявшая цепочку на часах № 140466. Эти вещи не так дороги по стоимости, как дороги по воспоминаниям.

Прибыв сюда, я услышала, что вещи домашнего обихода якобы не подлежат конфискации, если это верно, то прошу о возвращении мне их или хотя бы возмещения стоимости их.

По приговору у нас якобы отобрана какая-то церковная утварь; на это заявляю, что церковной утвари у нас не было никогда, а отобраны у нас иконы, из которых часть — пять от 4-х до 6-ти вершков и пять от 1½ до 3-х вершков в серебряных ризах со стеклянными лампадами, оставленные нам родителями, и Евангелия и другие книги, выданные нам, как это было принято до революции, в учебных заведениях, и несколько оставшихся после родителей.

Права голоса и имущества мы не были лишены. В течении года в Малой Вишере я тщетно искала какую-либо работу и, не найдя таковой, была обречена на полуголодное существование, что вконец подорвало мое и без того слабое здоровье (в настоящее время я чувствую себя полным инвалидом).

В Ленинграде у меня брат, работающий бухгалтером в одном из учреждений, и понятно, что, живя с ним и его семьей, я бы имела тот минимальный уход и ту минимальную поддержку, которая дала бы мне возможность не погибнуть, так как мне уже 55 лет от роду.

Имея в виду, что Советское Правосудие не метит, а перевоспитывает лиц, в чем-либо провинившихся, полагаю, что, отбыв наказание, могу рассчитывать на полное восстановление своих прав и в том числе на разрешение снова поселиться в Ленинграде. Дальнейшее пребывание в М<алой> Вишере в полном одиночестве, без средств к существованию, без специальной, необходимой мне медицинской помощи (резкий порок сердца, истеро-неврастения, артериосклероз и др<угие>) может привести и меня к смертельному исходу. Таким образом, наказание, данное мне и являющееся по уголовному Кодексу СССР одним из слабейших, окажется для меня наказанием высшей меры и, скажу прямо, наказанием, не заслуженным мною.

Прошу, возможно срочно, рассмотреть мое заявление и дать мне разрешение жить в Ленинграде и возможность снова начать трудовую жизнь соответственно своим силам.

Приложение. Копия Акта об отобранных вещах.
Р. Савельева.

6 сентября 1936 года»³.

В ноябре 1936 — Римма Николаевна Савельева послала вдогонку письмо Екатерине Павловне Пешковой с марками.

<1 ноября 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Петровна!

Посылаю Вам марки, которые забыла вложить в письмо, прошу извинения за свою рассеянность.

Благодарю Вас за то, что не отказались ходатайствовать за меня и извиняюсь за причиненное Вам беспокойство.

Я получила отказ, но я желала бы знать, если это возможно, в чем состоит вина моя и моей умершей сестры, за которую нам пришлось выдержать такое тяжелое испытание в концлагере, а мне и теперь быть лишенной возможности окончить свою жизнь в семье своих родных при моем болезненном состоянии.

Р. Савельева.

Малая Вишера,
<улица> Урицкого, дом № 34.
1 ноября 1936 г<ода>»⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1550. С. 50-52. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1550. С. 55-56. Автограф.